

[Генри Стэкпул]

ГОЛУБАЯ Лагуна

Генри Генри де Вэр Стэкпул

Голубая лагуна

«АРДИС»

1908

Стэкпул Г. Д.

Голубая лагуна / Г. Д. Стэкпул — «АРДИС», 1908

После гибели судна двое детей и старый матрос оказываются на необитаемом острове среди Тихого океана. История выживания, взросления и любви, не единожды экранизированная.

© Стэкпул Г. Д., 1908

© АРДИС, 1908

Содержание

Книга I	6
Часть I	6
Глава I. В чадю керосиновой лампы	6
Глава II. Под звездами	7
Глава III. Тень и пожар	9
Глава IV. Развеялся, как греза	11
Глава V. Голоса в тумане	13
Глава VI. Заря на беспредельном океане	15
Глава VII. История про кабана и козла Билли	17
Глава VIII. Ш-е-н-а-н-д-о-а	19
Глава IX. Тени при луне	21
Глава X. Трагедия на лодках	24
Часть II	26
Глава XI. Остров	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Генри де Вэр Стэкпул

Голубая лагуна

Перевод с английского под редакцией В.Попова, выполненный в 1923 г., сверенный с оригиналом и переработанный в аудиостудии АРДИС в 2021 г.

* * *

Книга I

Часть I

Глава I. В чаду керосиновой лампы

Матрос Пэдди Баттон, сидя на ящике, со скрипкой под левым ухом, наигрывал старинную песенку, усиленно отбивая такт левой ногой.

Он был одет в матросские штаны, полосатую рубаху и старую куртку, позеленевшую местами от солнца и соли. Это был типичный старый моллюск, с сутулой спиной и крючкова-тыми пальцами, всем своим обликом смахивающий на краба.

Лицо его напоминало полную луну, багровеющую за дымкой тропических туманов; в данную минуту оно выражало напряженное внимание, как будто скрипка рассказывала ему куда более чудесные сказки, чем старая избитая повесть о бухте Бантри.

«Левша-Бат», – так звали его товарищи, не потому, чтобы он точно был левшой, а потому, что он, попросту говоря, все делал шиворот-навыворот. За что ни возьмется, можно быть уверенным, что дело у него не выгорит.

Он был кельт, и все соленые моря, по которым он плавал в течение сорока с лишним лет, не смыли ни кельтского начала в его крови, ни веры в волшебниц в его душе. Кельтская природа – прочная краска, и нужды нет, что Баттон напивался пьяным в большинстве портов света и плавал с капитанами янки, все же он продолжая всюду таскать с собой своих волшебниц, да еще и немалую толику первородной невинности в придачу.

Над головой музыканта болталась нога, свисавшая с гамака; там и сям в полумраке вид-нелись другие гамаки, напоминавшие лемуринов и летучих мышей. Керосиновая лампа, покачи-ваясь, освещала то босую ногу, то лицо, с торчащей изо рта трубкой, то мохнатую грудь, то татуированную руку.

Было это в те дни, когда новейшие усовершенствования еще не сократили личного состава на судах, и команда «Нортумберлэнда» представляла собой полную коллекцию мор-ских крыс: были тут и голландцы, и американские фермеры, пахавшие землю и разводившие свиней в Огайо не дальше как три месяца назад, и старые моряки, как сам Пэдди Баттон, – помесь лучшего и худшего на земле, подобной которой нигде не найдешь на столь малом про-странстве, кроме матросского трюма на корабле.

«Нортумберлэнду» пришлось перенести немало превратностей, пока он огибал мыс Горн. По пути из Нового Орлеана в Сан-Франциско он провел тридцать дней в борьбе с бурей в таком месте океана, где размаха трех волн хватает на целую милю; теперь же, в момент, когда начинается наш рассказ, он стоял без движения, застигнутый мертвым штилем.

Баттон закончил игру лихим взмахом смычка, отер лоб правым рукавом и набил закоп-ченную трубку.

– Патрик, – протянул голос из гамака, с которого свисала нога, – о чем это ты начал рассказывать сегодня?

– Этакая зеленая штука! – добавил сонный голландский голос с койки.

– О, это ты о Лепроконе. Ну, да, у сестры моей матери в Коннауте завелся лепрокон.

– На что он был похож? – спросил сонный голландский голос, очевидно, зараженный штилем, принуждавшим всю команду к праздности.

– Похож? На лепрокона, разумеется. На что же еще ему быть похожим?

– На что он был похож? – настаивал голос.

– Это был маленький человечек, ростом с крупную редьку и зеленый, как капуста. В доме моей тетки, в Коннауте, завелся лепрокон в доброе старое время. Ох, ох, ох! доброе старое время! Верьте или не верьте, но его можно было бы засунуть в карман, и наружу торчала бы одна только зеленая голова. Держала она его в шкапу, но стоило оставить щелку открытой, он уж и пойдет гулять повсюду: и в кувшинах с молоком побывает, и под кроватью, да еще и стул из-под тебя выдернет, – только держись! А потом, как пойдет гонять свинью, – догоняет до того, что все ребра у нее выступят наружу, ни дать ни взять старый зонтик! А еще перемешает все яйца, так что петухи с курами в толк не возьмут, что за штука такая, когда из яиц полезут цыплята о двух головах, да с двадцатью семью ногами со всех концов. Станешь гнать его, да как разгонишься – и угодишь прямо в лужу, а он тем временем прыг обратно в шкаф!

– Это был тролль, – пробормотал тот же сонный голландский голос.

– Говорю тебе, это был лепрокон, и чего-чего только он не придумывал! Вытащит из кипящего котла капусту и припечет тебе ею лицо; а протянешь к нему руку – глянь, в ней лежит золотой соверен.

– Эх! Когда бы он был здесь! – протянул голос с одной из коек.

– Патрик! – произнес голос с верхнего гамака. – С чего бы ты начал, если бы у тебя оказалось двадцать фунтов в кармане?

– Что толку спрашивать? – отозвался Баттон – На что двадцать фунтов моряку в море, где грог – одна вода, а говядина – одна конина? Дай мне их на суше, и посмотришь, что я с ними сделаю!

– Сдается мне, что продавцу грога не видать бы тебя, как своих ушей, – промолвил голос из Огайо.

– Да уж, конечно, не видать, – огрызнулся Баттон, – Будь проклят грог и тот, кто его продает.

– Легко говорить! – продолжал Огайо, – Клянeshь грог на море, когда его негде достать: посади тебя на берег, и нальeshься по горло,

– Люблю выпить, – сказал Баттон, – нечего греха таить! Но уж как залью – войдет в меня черт – и таки уходит меня бутылка, в конце-концов.

– Ну, что же, – заметил Огайо, – ведь не уходила же она тебя до сих пор!

– Нет, – отвечал Баттон, – но чему быть, того не миновать!

Глава II. Под звездами

Наверху стояла чудесная ночь, проникнутая величием и красотой звездного света и тропического покоя.

Тихий океан спал, едва всколыхнутый широкой мертвой зыбью, а там, вверху, у огненного свода Млечного Пути, повис Южный Крест, подобный сломанному воздушному змею.

Звезды на небе, звезды в море, миллионы и миллионы звезд; это множество лампад на небесном своде внушало мысль об огромном, многолюдном городе, а между тем, все это живое, пылающее великолепие было безмолвно.

Внизу, в каюте, находились три пассажира корабля; один читал за столом, двое играли на полу.

Сидевший у стола Артур Лестрэндж устремил большие ввалившиеся глаза в книгу. Он явно был в последнем градусе чахотки и прибегнул к длинному морскому путешествию, как к последнему отчаянному средству.

В уголке, баюкая лоскутную куклу и раскачиваясь в такт собственным мыслям, сидела его племянница, восьмилетняя Эммелина Лестрэндж, – маленькое для своих лет, загадочное создание себе на уме, с широко раскрытыми глазами, казалось, заглядывавшими в иной мир.

Под столом возился его собственный восьмилетний сынишка Дик. Они были бостонцы и направлялись в Лос-Анджелес, где Лестрэндж приобрел ферму, чтобы погреться на солнце, в надежде, что долгое плавание продлит ему срок жизни.

Дверь каюты отворилась, и показалась угловатая женская фигура. Это была нянюшка Станнард, и появление ее означало, что детям пора спать.

– Дикки, – сказал Лестрэндж, приподнимая скатерть и заглядывая под стол, – спать пора.

– Ох, нет еще, папочка! – протянул сонный голосок из-под стола, – не хочу спать! Ой-ой-ой!

Станнард знала свое дело. Она нагнулась, ухватила его за ногу и потащила, несмотря на рев и брыканье.

Эммелина же, признав неизбежное, встала на ноги, держа за одну ногу свою уродливую куклу, и стояла в ожидании до тех пор, как Дикки, после нескольких прерывистых воплей, внезапно отер слезы и протянул мокрое лицо отцу для поцелуя. Тогда она, в свою очередь, торжественно подставила лобик дяде и отправилась из каюты за руку с няней.

Лестрэндж снова взялся за книгу, но едва успел он прочесть несколько страниц, как дверь снова отворилась, и показалась Эммелина в ночной рубашке, с небольшим свертком в руке, завернутым в оберточную бумагу.

– Моя шкатулка!? – сказала она вопросительно, и невзрачное личико ее внезапно превратилось в лицо ангела.

Она улыбнулась, – а когда Эммелина улыбалась, казалось, что ее освещает луч райского света. Это было видение чистейшей детской красоты.

Потом она исчезла с своей шкатулкой, и Лестрэндж снова засел за книгу.

Кстати сказать, эта шкатулка причиняла больше хлопот на корабле, чем весь пассажирский багаж вместе взятый.

Эммелина получила ее в подарок от одной дамы при отъезде, и никто не знал, что в ней содержится, кроме нее самой и дяди.

Беда была только в том, что она то и дело теряла свое сокровище. Боясь расстаться с ним, она вечно таскала его с собой; бывало, усядется за свертком каната и призадумается, потом встрепенется при виде каких-нибудь маневров матросов, вскочит посмотреть, хватится шкатулки – а ее и след простыл.

Тогда она принималась обыскивать весь корабль, с убитым лицом и широко раскрытыми глазами, заглядывая во все уголки, как беспокойное привидение, не говоря ни слова.

Ей словно было стыдно сказать кому бы то ни было о своей потере. Тем не менее, все знали о ней, и все принимались искать шкатулку. И странно сказать, находил ее обыкновенно Пэдди Баттон. Дело в том, что Баттон, такой неумелый в глазах взрослых людей, в глазах детей был непогрешим.

Немного погодя, Лестрэндж закрыл книгу и поднял глаза на зеркало.

Лицо его поражало своей худобой. Возможно, что именно в эту самую минуту он впервые понял, что обречен на смерть, и скорую смерть.

Он отвернулся от зеркала и просидел некоторое время, уставившись на чернильное пятно на столе; затем встал и медленно поднялся на палубу.

Когда он облокотился на перила, чтобы перевести дыхание, великолепие южной ночи жгучей болью вонзилось ему в сердце. Он сел и стал смотреть на Млечный Путь, эту триумфальную арку, воздвигнутую из солнц, которую первый луч зари сметает, как сновидение.

На Млечном Пути, близ Южного Креста, виднеется грозная закругленная бездна – Угольный мешок. Она так сильно напоминает темную пещеру, что при виде ее у человека с воображением мутится в голове. Для невооруженного глаза она черна и уныла, как смерть, но взгляни в телескоп, и увидишь мириады прекрасных звезд.

Глаза Лестрэнджа блуждали по небосводу, как вдруг он заметил, что по шканцам шагает какая-то фигура. Это был «Старик».

Капитан корабля всегда называется «Стариком», каков бы ни был его возраст. Капитану Лефаржу было лет сорок пять. Он был француз по происхождению, но американский гражданин.

– Не знаю, куда это девался ветер, – заметил он, приближаясь – Должно-быть, проделал себе дыру в небе и удрал в мировое пространство.

– Долгое было плавание, – сказал Лестрэндж, – и думается мне, капитал, что мне предстоит путь еще более долгий... И не Сан-Франциско мой порт – я это чувствую...

– Бросьте об этом думать, – сказал капитан, усаживаясь рядом, – Что толку предсказывать погоду за месяц вперед? Теперь, раз мы попали в теплую полосу, дело пойдет на лад, и вы будете совсем молодцом к тому времени, как подойдем к Золотым воротам.

– Я думаю о детях, – сказал Лестрэндж, как бы не слыша его. – Если что случится со мной до прибытия в порт, я попрошу вас об одном: распорядитесь с моим телом так, чтобы дети ничего не знали... Я все эти дни об этом думаю, капитан; эти дети ничего не знают о смерти.

Капитан неловко заерзал на скамье.

– Мать Эммелины умерла, когда девочке было два года. Отец ее – мой брат – умер до ее рождения. Дикки никогда не знал матери: она умерла при его рождении и, Боже мой, капитан! Смерть жестоко опустошила мое семейство! Удивительно ли, что я скрыл самое ее имя от двух дорогих мне существ?

– Да, да, – проговорил Лефарж, – это верно, все это очень печально!

– Когда я был ребенком, – продолжал Лестрэндж, – нянюшка пугала меня рассказами о покойниках, пугала меня адом. Не могу выразить, насколько это отравило всю мою жизнь. Поэтому, когда эти два созданища остались на моем попечении, я решил, что сделаю все возможное, чтобы уберечь их от ужаса смерти. Не знаю, хорошо ли я сделал, но я старался сделать к лучшему. У них была кошка, и раз как-то Дикки приходит ко мне со словами: «Пала, киска уснула в саду, и никак ее не разбудить». Тогда я повел его в цирк, и он позабыл о кошке. На другой день он снова спросил о ней. Я не сказал, что ее закопали в саду, а сказал, что она, вероятно, убежала. Через неделю он и думать о ней забыл – дети скоро забывают.

– Это верно, – подтвердил капитан. – А все же когда-нибудь да придется им узнать, что они должны умереть.

– Если час расплаты настанет для меня раньше, чем мы достигнем земли, и меня опустят в беспредельное море, я не хочу, чтобы их угнетала эта мысль. Скажите им, что я пересел на другой корабль, и доставьте их обратно в Бостон. У меня есть письмо к одной тамошней даме. В смысле земных благ они обеспечены. Так и скажите, что я пересел на другой корабль, – дети скоро забывают...

– Будь по-вашему, – сказал моряк.

Глава III. Тень и пожар

Был четвертый день штиля. На корме устроили навес для пассажиров, под которым Лестрэндж пытался читать, а дети – играть. Зной и скука превратили даже Дикки в неопределенную, ворчливую массу, ленивую, как слизняк. Что касается Эммелины, то она совсем осовела. Лоскутная кукла валялась где-то на палубе, и даже шкатулка была позабыта.

– Папочка! – вдруг крикнул Дик, забравшийся на перила.

– Что тебе?

– Рыбы!

Лестрэндж подошел к нему и заглянул вниз. В смутной зелени моря двигалось что-то бледное и длинное, – что-то зловещее. Затем вынырнуло второе существо. Лестрэндж рассмотрел глаза, темные плавники, длинное туловище и с дрожью прижал к себе Дикки.

– Славная какая, правда? – воскликнул мальчик. – Я бы вытащил ее на корабль, будь у меня крючок. Отчего у меня нет крючка, папочка, отчего?

Кто-то дернул Лестрэнджа за платье. Эммелине также захотелось посмотреть. Он поднял ее на руки, но грозные тени уже исчезли, и зелёная глубь стала по-прежнему незапятнанной и невозмутимой.

– Как их зовут, папочка? – настаивал Дик,

– Акулами, – сказал Лестрэндж, лицо которого покрылось испариной.

Он поднял свою книгу – это был том Теннисона – и уставился на залитую солнцем палубу.

Море показало ему грозное видение. Поэзия, красота, искусство, любовь и радость жизни – возможно ли, чтобы эти могли существовать в одном мире вместе с теми? Он взглянул на книгу, лежащую у него на коленях, и сравнил то прекрасное, что видал в ней, с тем ужасным, что дожидалось поживы под килем корабля.

Была половина четвертого, и няня пришла за детьми. В эту минуту явился капитан Лефарж и остановился посмотреть влево, где показалась полоса тумана.

– Солнце слегка затуманилось, – сказал он, – надвигается туман. Видали вы когда-нибудь туман на Тихом океане?

– Нет, никогда.

– Ну, второй раз не захочется увидеть, – заметил моряк, и, заслонив глаза рукой, стал всматриваться вдаль. Уже линия горизонта утратила свою ясность, и день затмился едва заметной тенью.

Вдруг капитан повернулся, поднял голову и стал водить носом.

– Что-то горит где-то! Должно-быть, этот болван слуга. Вечно, если не бьет стекла, то опрокидывает лампы и прожигает дыры в ковре, – Он подошел к люку, – Эй, там, внизу!

– Здесь, сэр.

– Что там у вас горит?

– Ничего не горит, сэр.

– Говорю вам, я чувствую запах гари. Если не там горит, то где-нибудь на палубе, – может-быть, бросили тряпки в огонь?

– Капитан, – воскликнул Лестрэндж, – подойдите сюда. Не знаю, помутилось ли у меня в глазах от слабости, но только мне чудится что-то странное у грот-мачты.

В том месте, где грот-мачта входит в палубу, и на некотором протяжении вверх ствол ее казался в движении. Это мнимое движение происходило от спирали дыма, настолько прозрачного, что угадать о нем можно было только по похожему на мираж трепету обвиваемой им мачты.

– Что такое! – крикнул Лефарж, бросаясь вперед.

Лестрэндж медленно последовал за ним, ежеминутно останавливаясь, чтобы ухватиться за перила и перевести дух. Он услышал пронзительный звук свистка, видел матросов, закишевших на палубе, как рой пчел, видел, как открыли люк и к небу потянулся столб дыма – черного, зловещего дыма, подобного неподвижному султану в неподвижном воздухе.

Лестрэндж был чрезвычайно нервный человек, и этого-то пошиба люди и сохраняют самообладание в минуты опасности, когда хладнокровные и уравновешенные люди окончательно теряются. Первая его мысль была о детях, вторая – о лодках.

В бурю у мыса Горна «Нортумберлэнд» растерял часть своих лодок. Остались два баркаса и шлюпка. Он слышал, как Лефарж приказал людям запереть люк и стать на насосы, чтобы затопить трюм, и зная, что ему на палубе делать нечего, поспешил вниз насколько хватило сил.

Навстречу ему из детской каюты вышла няня.

– Дети легли спать? – спросил он, задыхаясь от волнения и утомления. Женщина испуганно взглянула на него. Он показался ей подлинным глашатаем несчастья.

– Если да и если вы их раздели, то надо поскорей снова одеть их. На корабле пожар. Слушайте!

Издали, звуча жидко и уныло, как крик чаек на пустынном берегу доносилось чавканье качавших воду насосов.

Глава IV. Развеялся, как греза

Не успела Станнард произнести ни слова, как вниз по трапу спустились шумные шаги, и в салон бурно ворвался Лефарж. Лицо его было налито кровью, глаза смотрели стеклянным взглядом, как у пьяного, и жилы на висках вздулись, как веревки.

– Готовьте детей! – крикнул он, бросаясь к себе в каюту. – Будьте все наготове, – снаряжают лодки. Проклятие! Куда девались бумаги?

Им слышно было, как он яростно роется у себя в каюте, разыскивая те бумаги, которыми хозяин корабля дорожит больше жизни; и, собирая их, он продолжал выкрикивать приказания относительно детей, Он казался помешанным, и действительно наполовину обезумел при мысли об одном ужасном грузе, который находился в трюме...

На палубе, под командой штурмана, матросы делали свое дело, не подозревая о том, что скрывалось в трюме. С лодок сняли покрывки и поместили в них бочонки с водой и мешки с сухарями. Шлюпка уже висела у баканцев, и Пэдди Баттон укладывал в нее бочонок с водой, когда на палубу взбежал Лефарж. За ним спешила Станнард с Эммелиной на руках, и Лестрэндж, державший Дика за руку. Шлюпка была более крупных размеров, чем обыкновенно, и снабжена небольшой мачтой и люгерным парусом. Баттон только-что норовил повернуть обратно, когда капитан схватил его за плечи.

– В шлюпку, живо! – крикнул он, – и греби, что есть духу, отведи детей с пассажирами за милю, две мили, три мили от судна...

– Но, капитан, я оставил скрипку...

Лефарж толкнул старого матроса, как бы желая швырнуть его в море. Минуту спустя Баттон был уже в лодке. Ему подали Эммелину, которая прижимала к груди что-то, завернутое в старый платок, затем Дика, после чего помогли спуститься и самому Лестрэнджу.

– Нет больше места! – крикнул Лефарж. – Спускайте, спускайте!

Шлюпка скользнула к тихому голубому морю, поцеловалась с ним и поплыла.

Надо вам знать, что при отбытии из Бостона, Баттон много околачивался на набережной, благодаря тому, что ему не на что было пойти в трактир. Поэтому-то он кое-что проведал про груз корабля, чего не знали остальные. Не успел он взяться за весла, как это сознание озарило его ум убийственным светом. Он гикнул так, что оба матроса спускавшие шлюпку, перегнулись через борт.

– Ребята!

– Ну, что там?

– Спасайся кто может, – я сейчас вспомнил – в трюме два бочонка с порохом!

Потом навалился на весла, как никто еще не делал до него.

У Лестрэнджа потемнело в глазах. Дети ничего не знали о порохе, и, хотя слегка испуганные переполохом, находили очень забавным сидеть в лодке, так близко к синему морю.

Дик опустил палец в воду, чтобы почувствовать, как она струится – любимое развлечение детей, – а Эммелина, вложив ручонку в руку дяди, наблюдала за Баттоном со степенным удовольствием.

И точно, было на что посмотреть. Душа старого матроса была полна трагического ужаса. Кельтское воображение уже слышало взрыв судна, видело шлюпку и самого себя разорванным на кусочки, – мало того, видело ад и чертей, жарящих грешное его тело.

Но злополучное – а может быть, и счастливое – его лицо не было способно выражать ужаса трагедии. Он пыхтел и надрывался, надувая щеки, наваливаясь на весла, корча невероятные рожи, по все эти действия, вызванные душевной мукой, однако, нимало не выражали ее. Позади виднелся корабль, рядом с которым уже качались на волнах оба баркаса.

Люди сыпались через борт, как водяные крысы, барахтались в воде, как утки, карабкались, как попало, в баркасы. Из полуоткрытого люка тянулся черный дым, теперь уже смешанный с искрами, вздымаясь быстро и злобно, как если бы вырвался из стиснутых челюстей дракона.

А за милю от «Нортумберленда», позади, стояла стена тумана. Она казалась плотной, походя на диковинную страну, внезапно выросшую из океана, – страну, в которой не росли деревья и не пели птицы. Страна с белыми отвесными утесами, непоколебимыми, как Дуврские скалы.

– Сил моих нет! – вдруг пробормотал гребец, оперев весла на колени, и ткнулся вперед головой, словно готовясь забодать пассажиров. – Пусть себе взрывается, как знает, – сил моих больше нет! Изнемогаю!

Лестрэндж, бледный как смерть, но несколько пришедший в себя, повернулся взглянуть на корабль. Последний казался уже далеко, и оба баркаса яростно спешили вслед за шлюпкой. Дик все еще играл с водой, но Эммелина была совершенно поглощена Баттоном. Ее созерцательный ум всегда пленялся всем новым, а эти действия старого приятеля были для нее чем-то совершенно новым.

Она видала уже, как он моет палубу, как пляшет «джигу», как бегают на четвереньках по палубе с Диком на спине, но никогда еще не видала она его таким, как сегодня.

Теперь ей было ясно, что он устал и озабочен. Она порылась в кармане, достала апельсин и, нагнувшись вперед, прикоснулась им к голове «изнемогавшего».

Баттон поднял голову, на миг бессмысленно уставился вперед, потом заметил апельсин; при виде его мысль о «детюшках» с их невинностью, о нем самом и о порохе рассеяла туман, затмивший его помутившиеся мозги, и он снова принялся за весла.

– Папочка, – сказал Дик, – у корабля облака!

С невероятной быстротой плотные скалы тумана рассыпались. Легкий ветерок пронизал их, свивая из них удивительные узоры. По воде двигались всадники и развевались, как дым, поднимались и разбивались воздушные валы; высокие спирали валов тянулись до самого неба. И все это с угрожающей медлительностью. Огромный, ленивый и зловещий, но неуклонный, как рок или смерть, туман надвигался, завоеывая, казалось, весь мир.

На этом невыразимо мрачном фоне выделялся тлеющий корабль, паруса которого уже вздрагивали от поднимающегося ветра, в то время как дым из люка как бы кивал отплывающим лодкам, маня их к себе.

– Отчего корабль так дымится? – спросил Дик, – Смотрите, и лодки плывут за нами. – когда же мы вернемся обратно?

– Дядя, – добавила Эммелина, всовывая ручонку в его руку и поглядывая в сторону корабля, – я боюсь.

– Чего, Эмми? – спросил он, притягивая ее к себе.

– Тех фигур, – проговорила она, прижимаясь к нему.

– Я думаю, можно здесь дождаться остальных, – сказал Лестрэндж – Мы достаточно далеко на тот случай, если... если что случится.

– Верно, – поддакнул гребец, тем временем успевший прийти в себя. Пусть себе взрывается, как знает, нас не достанет.

– Папочка, – сказал Дик, – когда же мы вернемся на корабль? Я хочу чаю.
– Мы вовсе не вернемся, дитя мое, – сказал отец. – На корабле пожар: мы ждем другого корабля.

– А где же другой корабль? – спросил ребенок, оглядываясь.

– Его еще не видно, – отвечал несчастный отец, – но он придет.

Баркасы медленно приближались. Они казались тараканами, ползущими по воде. А вместе с ними, но сверкающей глади, ползла тусклая мгла, поглощавшая ее блеск, как это бывает при солнечном затмении.

Тут на шлюпку налетел ветерок, почти незаметный, как ветерок из Лилипута, по холодный и затмевающий солнце. И в тот же миг туман поглотил далекое судно.

Необычайное это было зрелище. Меньше, чем в полминуты, деревянный корабль превратился в корабль из дымки, в прозрачный узор – всколыхнулся и исчез навсегда из глаз человека.

Глава V. Голоса в тумане

Солнце еще более потускнело, затем и совсем исчезло. Уже очертания баркасов становились туманными, и даже та часть горизонта, которая до сих пор оставалась ясной, сделалась теперь совсем невидимой.

Между тем, первый из баркасов приближался, и вскоре послышался голос капитана:

– Гей, шлюпка!

– Гей! – раздалось в ответ.

– Равняйся с нами!

Первый баркас приостановился грести, дожидаясь второго. Последний, и так уже очень тяжелый, был сильно перегружен.

Капитан Лефарж был возмущен поведением Пэдди Баттона, всполошившего всю команду, по ему было теперь не до взысканий.

– Переходите к нам, Лестрэндж, – сказал он, когда шлюпка поравнялась с ними, – у нас есть место для одного. Ваша няня во втором баркасе, который и без нее перегружен: лучше ей пересесть на шлюпку, где она может присматривать за малышами. Поскорей же, туман надвигается. Гей! – обратился он ко второму баркасу, – поторопитесь!

Второго баркаса внезапно как не бывало.

Лестрэндж пересел к капитану. Пэдди оттолкнулся от баркаса и поднял весла дожидаясь.

– Гей! гей! – продолжал кричать Лефарж.

– Гей! – прозвучало из тумана.

В тот же миг первый баркас и шлюпка исчезли из глаз друг-друга, поглощенные туманом.

Надо сказать, что достаточно было нескольких взмахов кормового весла чтобы шлюпка снова стала борт-о-борт с первым баркасом; но дело в том, что мысли Пэдди были заняты вторым баркасом, и надо же, чтобы его угораздило дать три мощных удара весел в том направлении, где он воображал, что находится последний.

Все последующее превратилось в одни только голоса, перекликавшиеся в тумане.

– Гей. шлюпка!

– Гей!

– Гей!

– Не кричите все сразу, я не знаю куда мне грести! Второй баркас, где вы там?

– Лево руля!

– Ладно, ладно! – кладя между тем руль направо, отозвался Баттон, – одна минутка, и я буду с вами.

Последовало несколько минут усиленной гребли.

– Гей! – прозвучало гораздо слабее прежнего. – Чего вы это гребете прочь от меня?

Последовало еще несколько взмахов весел.

– Гей! – раздалось еще слабее.

Пэдди Бетон поднял весла кверху.

– Черт их возьми совсем! сдается мне, что это звал первый баркас.

Он снова энергично заработал веслами.

– Пэдди, – послышался голос Дика, звуча, по-видимому ниоткуда, – где мы теперь?

– В тумане, конечно! – где же нам еще быть? Ты только не бойся.

– Я не боюсь, но Эм вся трясется.

– Дай ей мою куртку, – сказал гребец, приостанавливаясь и скидывая куртку. – А когда закутаешь ее, давай крикнем все трое вместе как следует.

Он протянул куртку, и невидимая рука взяла ее. В ту же минуту раздался оглушительный взрыв, потрясший небо и океан.

– Поехал!.. – произнес Баттон, – и моя старая скрипка вместе с ним. – Не бойтесь, дети, это стреляют из пушки для забавы. А теперь, давайте все гикнем вместе. Готовы вы?

– Здесь! – отозвался Дик, подхватывавший все выражения матросов.

– Ге-е-ей! – завопил Пэдди.

– Гей! гей! – пискнули Дик и Эммелина.

Послышался слабый отклик, но трудно было определить, откуда он идет. Пэдди погреб еще немного, потом остановился. Было так тихо, что ясно слышался всплеск воды, рассеченной носом шлюпки при последнем взмахе весел. Затем все смолкло, и безмолвие сомкнулось вокруг них, подобно роковому кольцу.

Падавший сверху тусклый свет непрерывно менялся, в то время как шлюпка скользила в пластах тумана.

Большой морской туман не бывает однородным: густота его меняется, у него имеются свои улицы, свои просветы, в виде белых пещер, свои плотные утесы, и все это движется и перемещается как бы по мановению волшебника. Он также обладает тем колдовским свойством, которое усиливается с приближением ночи.

А солнце, когда бы только они могли его видеть, уже скрылось за горизонтом.

Снова они стали звать. Но ответа не было.

– Что толку реветь, как быки, когда имеешь дело с глухими тетерьями, – сказал старый матрос, и тут же снова гикнул, но снова без результата.

– Мистер Баттон, – послышался голос Эммелины, – мне страшно.

– погоди минутку, тут где-то на дне старый платок, – я заверну тебя в него.

Он осторожно подполз к девочке и взял ее на колени.

– Не хочу платка, – сказала Эммелина, – мне не так страшно в вашей куртке. – Грубая, пропитанная табаком куртка, почему-то придавала ей мужества.

– Ну, ладно. А тебе не холодно, Дикки?

– Нет, я залез в папино пальто, он оставил его здесь.

Баттон стал вполголоса напевать ирландскую колыбельную песенку, которая сливалась в его памяти с дождем и ветром родного побережья, запахом горящего торфа, хрюканьем свиньи и поскрипыванием колыбели.

Шохин, шохин, шохин, шохин,

Шо – ху – ло, шо – ху – ло.

Шохин, шохин, шохин, шохин,

Замолчи, ребенок, о...

– Заснула, – тихо проговорил он, укладывая размякшую фигурку рядом с Диком. Потом сунул руку в карман за трубкой. Но трубка с табаком осталась в кармане куртки, а в куртке находилась Эммелина, которую не полагалось будить.

Теперь ко мгле тумана прибавилась ночная тьма. Гребцу ничего не было видно. Он чувствовал себя заблудившимся душой и телом, боялся тумана, боялся призраков.

В таком-то тумане, в Дунбегской бухте обычно слышались крики и хохот сирен, сбивающих с пути несчастных рыбаков. Сирены не то, чтобы совсем зловредны, но у них зеленые волосы и зубы, рыбы хвосты и плавники вместо рук; и слышно только, как они шлепают по воде, как лососи, когда сидишь один в лодчонке, и ждешь, нет-нет, одна-таки хлопнется через борт, – нет довольно и этого, чтобы поседеть в одну ночь...

С минуту он думал разбудить детей, но тут же устыдился своей мысли. Немного погодя, он снова взялся за весла. Их скрип казался ему голосом друга, и работа убаюкивала его страхи. Время от времени, забывая о спящих детях, он пробовал подавать голос. Но ответа не было.

И он все греб, старательно, непрерывно, с каждым взмахом отдаляясь от лодок, которых ему никогда больше не суждено было увидеть.

Глава VI. Заря на беспредельном океане

– Никак заснул? – проговорил Баттон, внезапно просыпаясь.

Он только приостановился передохнуть, а проспал, как видно, несколько часов, ибо теперь дул теплый ветерок, светила луна, и тумана как не бывало.

– Что за сон мне приснился? – продолжал говорить сам с собой Баттон, – Где это я?.. Ох! ох, ох, беда! Мне снилось, что я уснул на люке, и что корабль взорвался, и все это оказалось правдой!

– Мистер Баттон! – послышался голосок Эммелины.

– Что, деточка?

– Где мы теперь?

– Да в шлюпке на море, голубенок: где же нам быть еще?

– А дядя где?

– За нами в баркасе, вот-вот подоспеет.

– Я пить хочу.

Он налил воды в жестяной кувшин, привязанный к бидону, и дал ей напиться, после чего достал трубку и табак из кармана куртки.

Она тотчас опять уснула рядом со спящим Диком, а старый матрос, уравновесившись на ногах, принялся осматривать горизонт. Нигде ни признака паруса или лодки. Возможно, однако, что, незаметные при обманчивом свете луны, лодки обнаруживаются при свете дня.

Но верно и то, что довольно нескольких часов, чтобы разъединить лодки на море на большое расстояние.

Нет ничего более таинственного, чем морские течения. Океан состоит из множества рек, одни из коих текут медленно, другие быстро; и за одну лигу от того места, где вы подвигаетесь со скоростью одной мили в час, другая лодка может их проделывать две.

Легкий ветерок рябил воду, смешивая звездный блеск с лунным; океан лежал ровный, как озеро, а между тем ближайший материк, быть может, отстоял за тысячу миль.

Много дум передумал старый матрос, покуривая трубку под звездами. Потом снова начал клевать носом; когда же проснулся – луна уже закатилась. На востоке показался бледный веер света, и снова сменился тьмой. Но вот, внезапно огненный карандаш провел линию на восточном горизонте, и небо стало прекрасно, как лепесток розы. Огненная линия сосредоточилась в одно разрастающееся пятно – край восходящего солнца.

По мере того, как свет усиливался, небо окрашивалось в неопишную синеву, переливчатую и сверкающую, как если бы она возникла из пыли неосязаемых сапфиров. Тут все море осветилось, как арфа Аполлона под перстами бога. Настало утро.

– Папочка! – вдруг крикнул Дик, садясь и протирая глаза руками. – Где это мы?

– Все ладно, сынок, – успокоил его старый матрос, тщетно обыскивавший горизонт глазами. – Твой папа цел и невредим. Он сейчас будет здесь и приведет нам другой корабль. А, и ты проснулась, Эмлин?

Девочка молча кивнула. Она не присоединила своих расспросов к расспросам Дика. Угадала ли она, что Баттон кривит душой, и что дело обстоит не совсем так, как он говорит? Почему знать?

На ней была старая шапочка Дика, которую няня второпях нахлобучила ей на голову. Шапка съехала набекрень, и девочка являла довольно потешную фигуру в ней и старой выцветшей куртке Пэдди. Что касается Дика, то его соломенная шляпа валялась где-то на дне лодки, и золотистые кудри свободно развевались по ветру.

– Ура! – крикнул Дик, молотя подножкой о дно шлюпки – Я буду моряком, правда Пэдди? Ты научишь меня поднимать парус и грести?

– Дело нехитрое, – сказал Пэдди, хватая его – У меня нет ни губки, ни полотенца, но я попросту ткну тебя лицом в соленую воду и дам обсохнуть на солнце.

С этими словами, он набрал воды в черпак.

– Не хочу мыться! – закричал Дик.

– Окунай лицо в черпак, – скомандовал Пэдди. – Ведь не хочешь же ты быть чумичкой, не правда ли?

– Сам окунай туда лицо! – приказал тот.

Баттон повиновался и произвел булькающие звуки в воде; потом поднял кверху мокрое лицо и вывернул черпак за борт.

– А теперь твое дело пропало, – заявил хитроумный моряк, – воды больше нет.

– В море есть.

– А все-таки мыться нечем до завтрашнего дня, – рыбы не позволяют...

– Я хочу умыться, – ворчал Дик, – хочу окунуть лицо в черпак, как ты; да и Эмми тоже не умывалась.

– Мне не надо, – пролепетала Эммелина.

– Ну, куда ни шло, спрошу-ка я у акул, – объявил Баттон, как бы приняв внезапное решение. Он перегнулся через борт, почти касаясь лицом воды.

– Гей, там! – крикнул он, потом наклонил голову на бок, прислушиваясь; и дети также заглянули за борт, сгорая любопытством.

– Гей, там! да что вы там, заснули, что ли? А, да вот и вы! Тут у меня мальчонка с грязной рожицей хочет умыться, так нельзя ли мне зачерпнуть... О, покорно благодарю вашу честь – доброго утра, ваша честь, мое почтение!

– Что сказала акула? – спросила Эммелина.

– Вот она что сказала: «Берите хоть целый бочонок на доброе здоровье, мистер Баттон! – Очень жаль, что не могу преподнести вам рюмочку крепенького в такое прекрасное утро!» Потом засунула голову под плавник и опять уснула; по крайней мере, мне слышно было, как она захрапела...

В шлюпке имелся большой мешок бисквитов и несколько жестянок с консервами, по большей части сардинками. Пэдди же имел про запас ножик, и не успели они оглянуться, как на скамейке уже оказалась откупоренная жестянка рядом с несколькими бисквитами. С водой и с апельсином Эммелины в придачу вышел настоящий пир.

Кончив есть, они припрятали остатки и занялись установкой мачты. После этого, матрос остался стоять около мачты, оглядывая беспредельную и безгласную синеву моря.

У Тихого океана три синевы: утренняя, полуденная и вечерняя. Но самая счастливая из них это синева утра: блестящая, неясная, новорожденная, – синева неба и прекрасной юности.

– Что ты высматриваешь, Пэдди? – спросил Дик.

– Чаек, – ответил хитрец; затем добавил про себя: – Ничего, хоть шаром покати! Ох, горемычный я! Куда повернуть: на север, на юг, на восток, на запад? И не все ли равно? Пойду на восток, а они окажутся на западе, пойду на запад, – окажутся на востоке. Да и не могу идти на запад, прямо ветру в зубы. Пойду на восток, и будь что будет!

Он поднял парус и поставил его по ветру. Потом переложил руль удобно прислонился спиной и предался воле ветерка.

Отчасти в силу своей профессии, а отчасти и самого своего характера, он был так же спокоен, как если бы отправлялся с детьми на прогулку, хотя, быть может, вел их навстречу голодной смерти.

Тихий океан все еще был скован одним из тех штилей, которые возможны только тогда, когда нет бурь на большом протяжении его поверхности. Ведь половина волнений на море причиняются не местными ветрами, а бурей на далеком расстоянии.

Но сон океана был только мнимым, и тихое озеро, по едва заметной ряби которого скользила шлюпка, разбивалось на берегу Маркизских островов с громом и пеной.

По одну сторону рулевого сидела Эммелина, баюкая свою безобразную, но обожаемую лоскутную куклу. Дик, сидя по другую сторону, свесился над водой и высматривал рыб.

– Отчего вы курите, мистер Баттон? – спросила Эммелина, молча наблюдавшая за старым другом в течение нескольких минут.

– Чтобы на душе было легче, – объяснил Пэдди.

Он сидел, откинувшись назад и зажмурив один глаз, устремил другой на парус. Он чувствовал себя в своей стихии: знай себе, правь рулем и покуривай, в то время как тебя пригревает солнцем и прохлаждает ветерком. Многие на его месте сходили бы с ума от волнения, проклинали бы судьбу, взывали к Богу. Пэдди – курил.

– Ого-го! – крикнул Дик. – Смотри-ка, Пэдди!

Из сверкающих волн поднялся альбакор, перекувыркнулся в солнечном воздухе и исчез.

– Это альбакор дает козла. Видывал я их сотни раз. За ним гонятся.

– Кто за ним гонится?

– Кто? объедалы, конечно, кому же еще?

Не успел Дик осведомиться о наружности и нравах последних, как стая серебристых стрел пронеслась над шлюпкой и с шипением погрузилась в воду.

– А это летающие рыбы.

– Что ты там толкуешь? Рыбы не могут летать!

– Где же у тебя глаза?

– И за ними тоже гонятся объедалы? – боязливо спросила Эммелина.

– Вовсе не они! Да будет вам спрашивать, – еще заврешься с вами.

Эммелина, между тем, не забывала о своем сокровище, которое прихватила с собой завернутым в старый платок; она засунула его под скамейку, и то и дело наклонялась посмотреть, цело ли оно.

Глава VII. История про кабана и козла Билли

Время от времени Баттон стряхивал оцепенение и поглядывал, не видать ли где «чаек», но море было пустынно, как в доисторические времена, бескрылое, безмолвное. Когда Дик принимался хныкать, старый моряк всегда находил какой-нибудь способ развлечь его. Он смастерил удочку из согнутой булавки и какой-то бечевки, случайно оказавшейся в лодке, и велел ловить рыбёшку, и Дик, с трогательной детской верой, стал «удить рыбу».

А потом Баттон начал рассказывать им разные истории. Давным-давно он провел год в Диле, где его двоюродная сестра была замужем за лодочником.

Там он проработал год портовым грузчиком, и ему было что рассказать о своей кузине и ее муже, а особенно о Ханне; Ханна была дочкой его двоюродной сестры – чудеснейшим ребенком, который родился с торчащими вперёд как у кролика зубами и, при появлении на свет, первым делом вцепился, как бульдог, в кулак доктора под его вопль: «Муртер!»

– У миссис Джеймс, – сказала Эммелина, имея в виду бостонскую знакомую, – тоже был маленький ребенок, и он был розовый.

– Да, да, – подтвердил Пэдди, – сначала они в основном розовые, но со временем тускнеют после стирки.

– У него не было зубов, – сказала Эммелина, – точно знаю, потому что я сунула туда палец, чтобы посмотреть.

– Доктор принес его в мешке, – вставил Дик, который все еще продолжал ловить рыбу, – выкопал его из капустной грядки; а я взял лопатку и выкопал всю нашу капусту, но там больше не было ни одного ребенка, только очень много червей.

– Жаль, что у меня нет ребенка, – сказала Эммелина, – и я бы не отправила его обратно на капустную грядку.

– Доктор, – объяснил Дик, – забрал его обратно и посадил снова, а миссис Джеймс плакала, когда я ее спрашивал, и папа сказал, что ее посадили обратно, чтобы она выросла и превратилась в ангела.

– У ангелов есть крылья, – мечтательно произнесла Эммелина.

– И еще, – продолжал Дик, – я говорил с кухаркой, и она сказала, что папа всегда чем-то пичкает детей. И я попросил папу позволить мне посмотреть, как он набивает ребенка, а папа ответил, что кухарке придется уехать за такие слова, и она уехала на следующий день.

– У нее было три больших чемодана и коробка для шляпки, – сказала Эммелина, с отсутствующим видом вспоминая тот случай.

– А извозчик спросил ее, нет ли у нее еще каких-нибудь сундуков, чтобы погрузить на его кеб, и не забыла ли она клетку с попугаем, – сказал Дик.

– Жаль, что у меня нет попугая в клетке, – пробормотала Эммелина, слегка отодвигаясь, чтобы оказаться в тени паруса.

– И что бы ты сделала с попугаем в клетке? – спросил Баттон.

– Я бы его выпустила, – ответила Эммелина.

– Раз уж заговорили о том, чтобы выпустить попугая из клетки..., помню, что у моего дедушки был старый кабан, – сказал Пэдди (они разговаривали друг с другом вполне серьезно, как равные). – Я был дьяволёнком ростом не выше колена, и бывало подойду к двери хлева, а он подойдёт с той стороны, и хрюкает и дует в щель, а я со своей стороны хрюкаю ему назло, и молочу кулаком по двери и кричу: «Гей, там!». А он в ответ: «Гей, там!» – на своем свином языке. «Выпусти меня, – говорит, – и я дам тебе серебряный шиллинг».

«Подсунь его под дверь», – говорю. Тогда он подойдет и сунет хрюкало под дверь, а я свистну его палкой, а он орать по-ирландски «Муртер». Тогда моя мать выйдет и вздует меня, – и поделом!

– Ну вот, в один прекрасный день я открыл дверь хлева, и он выкатился из него, как валун, и помчался прочь, и бежал по холму, и шел, пока не добрался до края утеса, возвышающегося над рекой, и там встретил козла Билли, и у него с козлом Билли разошлись взгляды.

«– Прочь, убирайся! – говорит козел Билли.

«– Пошёл сам прочь! – говорит он.

«– Кому это ты говоришь? – говорит козёл.

«– Тебе, – говорит он.

«– А кто ты такой? – говорит козел.

«— Катись к своей бабушке! — говорит кабан.

«— Катиться к *чьей* бабушке? — говорит козел-Билли.

«— О, катись... — и прежде чем кабан успел закончить, БАМ! козёл Билли бодает его, и оба летят, крутясь, вниз.

— Мой дедушка выходит, берет меня за шкуру и тащит в хлев! А там я получаю своё и сижу потом там на отрубном пюре и обезжиренном молоке.

Пообедали около одиннадцати часов, а в полдень Пэдди устроил для детей навес из паруса на носу шлюпки; после этого уселся на корме, надвинул соломенную шляпу Дика на лицо как защиту от солнца, немного повозился, чтобы устроиться поудобнее, — и уснул крепким сном.

Глава VIII. Ш-е-н-а-н-д-о-а

Он спал уже более часу, когда его разбудил пронзительный крик Эммелины, которой привиделся страшный сон, под влиянием съеденных сардинок и разговора об «объедалах». Успокоив её, Баттон поставил мачту в гнездо и приготовился было снова поднять парус, как вдруг замер без движения при виде двух голых мачт, торчавших из воды на удалении миль трех.

С полминуты он простоял молча, вытянув шею вперед, как черепаха. Потом вдруг испустил яростное: «Ура!»

— В чем дело, Пэдди? — спросил Дик.

— Ура! — кричал Баттон, — корабль! корабль! Гей, там — дождитесь меня! И точно, ждут! Ни клочка паруса — что это они, спят, что ли? А ну-ка, Дик, помоги мне поставить парус. Ветер скорее доставит нас, чем весла.

Он переполз назад и взялся за румпель; ветер подхватил парус и, шлюпка пустилась в путь.

— Это папин корабль? — спросил Дик, почти столь же взволнованный, как и его приятель.

— Не знаю! вот погоди, догоним его, тогда будем знать.

— А мы пересядем на него, мистер Баттон? — спросила Эммелина.

— Непременно, деточка.

Тогда Эммелина нагнулась, вытащила из-под лавочки свой сверток и положила его к себе на колени.

По мере приближения, очертания судна становились определеннее. Это был небольшой бриг с толстенькими мачтами, на которых болтались обрывки парусов. Опытный глаз моряка вскоре разобрал, что дело неладно.

— Да он покинут, чтоб ему пусто было! — пробормотал он. — Не везет нам, что и говорить!

— Я не вижу людей на корабле, — воскликнул Дик — и папочки там нет.

Когда до корабля осталось всего около двадцати кабельтов, старый матрос вынул мачту из гнезда и взялся за весла.

Бриг глубоко сидел в воде и являл довольно-таки плачевный вид. Кое-где висели клочья парусов, у баканцев не было видно лодок: явно было, что в нем открылась течь, и что он был брошен экипажем.

Подойдя близко, Пэдди поднял весла. Корабль покачивался так же спокойно, как если бы стоял на якоре в гавани Сан-Франциско; в тени его вода сквозила зеленью, а в зелёной воде развевались наросшие на нем водоросли. Краска вся полопалась, как если бы по ней провели раскаленным утюгом, а через такаборт была перекинута длинная веревка, конец которой волочился в воде.

Несколько взмахов весел — и они очутились под кормой брига. Здесь еще сохранилась выцветшая надпись — имя корабля «Шенандоа», и название его порта.

— На нем какие-то буквы, — сказал Баттон, — но я в них не разберусь. — Я человек темный.

- Я могу прочесть, – заявил Дик.
- Я тоже, – пролепетала Эммелина.
- Ш-е-н-а-н-д-о-а, – прочел Дик по складам.
- Что это значит? – спросил Пэдди.
- Не знаю, – признался Дик не без смущения.

– Так я и знал, – воскликнул с негодованием гребец, придвигая лодку к штирборту судна, – Прикидываются, будто чему-то учат детей в школах, проглядывают они все глаза над книжкой, – и вот вам, извольте смотреть! Буквы с мою рожу величиной, а они и в них-то не разберутся!

У брига были старомодные широкие руслени; притом он сидел так низко, что они не более как на фут возвышались над водой. Баттон прикрепил шлюпку к русленям, затем взял Эммелину со свертком на руки и опустил ее через перила на борт. Потом наступил черед Дика, и дети стояли на палубе, дожидаясь, чтобы старик перетащил на борт воду, бисквиты и жестянки с консервами.

Палуба «Шенандоа» была как бы нарочно создана на радость мальчишескому сердцу. Передняя ее часть вплоть до главного люка была завалена лесом. Там и сям валялся такелаж, а почти все шканцы были заняты домиком с капитанской каютой. Вокруг разливался очаровательный запах морского берега, гниющего леса, дегтя и таинственности. Сверху болтались веревки. Как раз перед фок-мачтой висел колокол. В одну минуту Дик подхватил валявшийся на палубе болт и принялся колотить им по колоколу.

Баттон крикнул ему, чтобы он перестал: звон резал его по нервам. Он звучал призывом, а призыв представлялся ему неуместным на покинутом корабле. Почему знать, не откликнется ли на него нечистая сила?

Дик бросил болт, подбежал к Белону и вцепился в его свободную руку. Они подошли втроем к домику. Дверь была открыта, и они вошли.

В капитанской каюте имелось три окна с штирборта, в которые печально светило солнце. Посредине стоял стол. От стола был отодвинут стул, как если бы с него встали второпях. На столе стояли чайник, две чашки, две тарелки. На одной из тарелок лежала вилка с куском гниющего сала, который кто-то, очевидно, подносил ко рту, когда что-то случилось. Около чайника осталась открытая жестянка с сгущенным молоком. Какой-нибудь старый моряк собирался забелить чай молоком в ту самую минуту, когда случилось это таинственное нечто. Никогда еще бездушные предметы не говорили так красноречиво, как эти.

Можно было с легкостью восстановить всю сцену. Должно-быть, шкипер уже отпил чай, а штурман только что засел за него, когда они услышали про течь или наткнулись на что-нибудь, или вообще то, что случилось, – случилось.

Явно было одно, что с момента оставления брига стояла тихая погода, иначе вещи не остались бы в целости на столе.

Баттон и Дик вошли в каюту, но Эммелина осталась в дверях. Старый бриг очаровывал ее почти так же, как и Дика, но она испытывала при этом неизвестное мальчику чувство. Ей казалось, что на корабле, на котором нет людей, может быть «что-то другое».

Она боялась войти в темную каюту, боялась оставаться одной и кончила тем, что села на палубу. Потом положила рядом с собой сверточек, поспешно вытащила куклу из кармана, в который она была запихнута вниз головой, оправила ее закинутую на голову ситцевую юбку, прислонила к косяку двери и наказала ей не «бояться».

В большой каюте оказалось мало интересного, но за нею находились две маленькие каютки, подобные кроличьим порам, в которых было чем поживиться. Старое платье, старые сапоги, старый цилиндр того необыкновенного фасона, который можно увидеть только на улицах Пернамбуко: невероятной вышины и поуже кверху, телескоп без одного стекла, том сочи-

нений Гойта, морской альманах, большой кусок полосатой фланели, коробка крючков для удочек. А в углу – о, чудесная находка! – сверток чего-то, что имело вид черной веревки.

– Табак, клянусь честью! – завопил Пэдди, бросаясь к нему. Это был тот сорт табака, который водится в лавочках приморских городишек. Одной трубки было бы достаточно, чтобы вызвать тошноту у гиппопотама, но старые матросы жуют его, курят и наслаждаются им безгранично.

– Вытащим все добро на палубу и разберем, что стоит оставить, а что выбросить, – сказал Баттон, загребая огромный ворох хлама, в то время как Дик пустился вперед с высокой шляпой, на которую сразу заявил права собственности.

– Эм, – закричал он, выскакивая из-за дверей, – посмотри, что я раздобыл! – Он натянул нелепое сооружение себе на голову. Шляпа спустилась до самых плеч.

Эммелина взвизгнула.

– Смешно как пахнет, – продолжал Дик, сняв шляпу и обнюхивая ее. – Пахнет старой головной щеткой.

Но Эммелина уползла от него как можно дальше: она боялась всего черного, и исчезновение Дика под черной шляпой напугало ее до полусмерти.

Между тем Баттон натаскал целую кучу тряпья на палубу, уселся рядом с ней и запалил трубку. Он и не вспомнил до сих пор о съестных припасах и воде: так он был счастлив, что нашел драгоценный табак. Правда, что съестных припасов только всего и было, что полмешка картофеля; трюм был затоплен, а пресная вода в бочке совсем протухла.

Тем временем Эммелина пробралась обратно, так как Дик обещал не надевать на нее шляпу, и все трое уселись вокруг кучи хлама.

– Эта пара сапог, – начал старый матрос, поднимая их кверху, как на аукционе, – пошла бы за полдоллара в любом порте мира. Положи их рядом с собой, Дик, и разверни вон те штаны.

Штаны развернули, осмотрели, одобрили и сложили рядом с сапогами.

– Вот вам телескоп, кривой на один глаз, – продолжал Баттон, сдвигая и раздвигая его, как гармонику. – Может, на что и пригодится. А вот книжка, – бросая мальчику альманах, объявил он: —посмотри, что в ней сказано.

– Не могу прочесть, – безнадежно сказал Дик, – тут цифры!

– За борт ее! – скомандовал Баттон.

Дик радостно исполнил приказание, и осмотр продолжался. Пэдди вывернул все карманы, по ничего в них не нашел. Отобрав все подходящее, выбросили остальное за борт и снесли отобранные вещи до поры до времени в капитанскую каютку.

Тут только Баттон вспомнил, что пища может оказаться столь же полезной, как и одежда, и отправился на поиски; но все мясо оказалось заблаговременно вынесенным, и трюм был залит водой. Впрочем, той провизии и воды, которые они перетащили из шлюпки, должно было хватить на десять дней, – а в десять дней мало ли что может случиться!

Глава IX. Тени при луне

– Что-то долго нет папочки! – вдруг сказал Дик.

Они сидели на больших бревнах, которыми была завалена палуба по обеим сторонам камбуза. Солнце садилось в стороне Австралии, погружаясь в море расплавленного золота. В нависшем над горизонтом таинственном мареве казалось, будто вода трепещет и колыхается, как бы от чрезмерного жара.

– Да, это правда, – сказал Баттон, – но лучше поздно, чем никогда. А теперь, не думай о нем, потому что он от этого скорей не явится. Смотри, как солнце садится в воду, и, чур! не говори ни словечка: тогда услышишь, как оно зашипит.

Дети смотрели и слушали. Пэдди делал вид, что тоже слушает. Все трое безмолвно следили за тем, как сверкающий щит прикоснулся к воде, прыгнувшей к нему навстречу.

И точно, можно было услышать, как зашипела вода, – стоило только иметь немного воображения. Только что прикоснувшись к воде, солнце исчезло в ней так быстро, как человек, спускающийся с лестницы. Как только оно исчезло, над морем разлились призрачные золотистые сумерки, прелестные, но невероятно печальные. Затем море превратилось в лиловую тень, запад померк, как если бы там затворили дверь, и по небу потоком хлынули звезды.

– Мистер Баттон, – спросила Эммелина, кивая на запад, – что там такое?

– Запад, – сказал он, уставившись на закат, – Китай, Индия и все такое прочее.

– Куда пошло теперь солнце? – спросил, в свою очередь, Дик.

– Оно теперь гонится за луной, а она удирает, что есть сил, подоткнувши юбки; сейчас выскочит на небо. Оно всегда гоняется за ней, но ни разу еще не поймало.

– А что бы оно сделало, если бы поймало ее? – спросил Дик.

– Может, дало бы ей хорошего шлепка, – и поделом!

– Отчего поделом? – продолжал Дик, на которого нашла полоса допрашивания.

– Потому что она только и знает, что морочит людей. Чего только не делала она с Мак Кенной!

– Кто он такой?

– Мак Кенна? Да юродивый той деревни, где я жил в добрые старые дни.

– Что это значит – юродивый?

– Держи язык за зубами и не спрашивай! Он вечно тянулся за луной, нужды нет, что было в нем шесть футов два вершка росту. Был он худ, как жердь, хоть узлом его связывай, и в полнолуние не было с ним никакого сладу. Бывало, сидит на траве и смотрит на нее; потом вдруг как схватится, и ну гоняться за ней по холмам, пока его не найдут где-нибудь в горах спустя дня два, голодного и холодного, так что, наконец, пришлось его спутывать.

– Я раз видел спутанного осла, – вставил Дик.

– Значит, ты видел близнеца Мак Кенна. Ну-с, раз как-то мой старший брат Тим сидит перед огнем, покуривая трубку и подумывая о своих грехах, как вдруг, откуда ни возьмись, входит Мак.

«– Тим, – говорит, – изловил я ее, наконец!

«– Кого это ее? – спрашивает Тим.

«– Луну, – говорит.

«– Куда изловил? – говорит Тим.

«– В ведерко у пруда, – говорит тот, – вся целёхонька, без единой царапины. Приди, посмотри – говорит.

«Тим и пошел за ним. Пришли они к пруду, и там стоит ведро с водой, а в воду смотрится луна.

«– Выудил ее из пруда, – шепчет Мак, – Теперь погоди, говорит, я сцежу воду потихоньку – говорит, – и поймаем ее на дне живьем, как форель. – Слил это он воду из ведра и заглядывает на дно – думал она там плескается, как рыба.

«– Удрала, чтоб ей пусто было! – говорит.

«– Попытайся еще раз! – говорит мой брат; и Мак опять набрал воды в ведро, и как только вода улеглась, глядь! – снова луна тут как тут.

«– А ну-ка теперь, – говорит мой брат. – Спусти опять воду, да потихоньку, не то опять поминай ее, как звали.

«– Постой маленько, – говорит тот, – я что-то придумал.

«Мигом сбегал в хижину своей старухи-матери – она тут же и жила близехонько – и притащил решето.

«– Ты держи решето – говорит, – а я буду лить воду. Коль из ведра ускользнет, изловим ее в решето, – Вот льет он себе воду тихонько, точно сливки из кувшина. Вылил всю воду, вывернул ведро вверх дном.

– Да провались она совсем! – кричит, – опять унесла ее нелегкая. – Да с этим как швырнет ведро в пруд, и решето за ним следом. Как вдруг ковыляет к ним его старуха-мать с палкой.

«– Где мое ведро? – спрашивает.

«– В пруду, – говорит Мак.

«– А мое решето?

«– Отправилось за ним вдогонку!

«– Я тебя научу ведрами швыряться, – крикнула она, да как хватит его палкой, а тот ну реветь и вприпрыжку прочь от нее. А она загнала его в хижину, и продержала там на хлебе и воде целую неделю, чтобы вытравить у него луну из головы. Да только попусту хлопотала. Как прошел месяц, он опять за свое»... Э, да вот и она!

Из воды выплывала серебряная полная луна. Свет ее был почти так же ярок, как дневной, и тени Баттона и детей выступили на степе камбуза черными силуэтами.

– Смотрите на наши тени! – крикнул Дик, размахивая широкополой соломенной шляпой. Эммелина выставила свою куклу, Баттон – трубку.

– Ну, а теперь, ребята, – сказал он, вкладывая трубку обратно в рот, – пора вам на боковую.

Дик тотчас начал скулить.

– Я не хочу спать, я не устал, Пэдди, ну, еще чуточку позволь!

– Ни минуты, – объявил тот решительным тоном строгой няни, – ни минуты после того, как потухнет у меня трубка!

– Мистер Баттон! – вдруг воскликнула Эммелина, вдыхая воздух. Она сидела за ветром от курильщика, и ее тонкое обоняние уловило нечто незаметное остальным.

– Что тебе, моя крошка?

– Пахнет цветами.

– Цветами?.. – повторил старый матрос, выколачивая трубку о каблук сапога – Откуда же возьмутся цветы посреди океана? Ты бредишь, что ли? Марш оба в постель!

– Набей опять трубку, – хныкал Дик.

– Вот отшлепаю тебя, как следует, тогда будешь слушаться, – возразил его покровитель, стаскивая его с бревен, – Идем, Эмлин!

Он повел детей за руки к корме, при чем Дик не переставал подвывать.

Поравнявшись с колоколом, мальчик подметил, что на палубе еще валяется болт, и, подхватив его, ударил с размаху в колокол. Это было последнее удовольствие, которое можно было урвать перед сном, – он и урвал его.

Пэдди приготовил постели для себя и своих питомцев в капитанской каюте; он убрал посуду со стола, выбил окно, чтобы выветрить запах плесени, и разложил найденные в каютах тюфяки на полу.

Когда дети уснули, он вышел на палубу и, опершись на перила, стал смотреть на светящееся море.

В то время как он стоял, прислонившись к перилам, в голове его проносились мысли о «добром старом времени». Его собственный рассказ об юродивом разбудил эти воспоминания, и за ширью соленых морей ему мерещился лунный свет на Коннемарских холмах и слышался крик чаек на бурном берегу, где за каждой волной тянется три тысячи миль моря.

Вдруг Баттон возвратился из Коннемара, чтобы очутиться на палубе «Шенандоа», и им мгновенно овладел суеверный страх. Что, если из-за двери камбуза вдруг выглянет голова, или, еще того хуже, в нее войдет призрачная тень?..

Он поспешил обратно в капитанскую каюту, где вскоре заснул рядом с детьми, в то время как бриг всю ночь покачивался на мягкой зыби Тихого океана, а ветерок тихо веял, неся с собой залах цветов...

Глава X. Трагедия на лодках

Когда, после полуночи, туман рассеялся, люди с первого баркаса увидели второй, на полмили к штирборту.

– Вы видите шлюпку? – спросил Лестрэндж у капитана, который встал на ноги, осматривая горизонт.

– Ни следа! – ответил Лефарж. – Будь проклят этот ирландец! Когда бы не он, я успел бы как следует снабдить лодки провизией; а теперь не знаю даже, что у нас есть. Что у вас там на носу, Дженкинс?

– Два мешка хлеба и бочонок воды, – сказал тот.

– Какой там бочонок! – перебил другой голос. – Ты хочешь сказать, полбочонка!

– И то правда, – согласился Дженкинс, – наберется не больше двух галлонов.

– Будь проклят этот ирландец! – вновь вскричал Лефарж.

– Еле хватит по полковшика на душу, – заметал Дженкинс.

– Быть может, второй баркас успел лучше запастись. – продолжал Лефарж, – пойдем к нему.

– Он сам идет к нам, – сказал загребной.

– Капитан, – снова спросил Лестрэндж, – вы уверены, что не видите шлюпки?

– Ни малейшего признака, – повторил Лефарж.

Несчастный опустил голову на грудь.

Однако ему не пришлось долго раздумывать над своими заботами, так как вокруг него начинала разыгрываться одна из ужаснейших трагедий в летописях морской жизни.

Когда баркасы достаточно сблизилась для оклика, на носу первого поднялся человек.

– Гей, там! – сколько у вас воды?

– Ни капли!

Ответ ясно прозвучал в мирном лунном воздухе. Услыхав его, люди в первом баркасе перестали грести, и видно было, как с поднятых весел стекали капли, сверкая бриллиантами при свете месяца.

– Гей, там, баркас! – крикнул человек на носу. – Налегай на весла.

– Молчать, негодяй! – крикнул Лефарж – Кто ты, чтобы командовать?

– Сам негодяй! – отозвался тот. – Ребята, заворачивай!

Гребцы штирборта дали задний ход, и лодка завернула.

Случайно в первый баркас попали все худшие матросы «Нортумберленда», и Лефарж оказался совершенно бессильным перед ними.

– Ложись в дрейф! – донеслось с второго баркаса, с трудом подвигавшегося к первому.

– Налегай на весла! – крикнул матрос на носу, возвышавшийся над другими, как злой гений, временно ваявший власть над событиями, – Подними весла! Лучше покончить сразу.

Второй баркас, в свою очередь, перестал грести и остановился на расстоянии одного кабельтова.

– Сколько у вас воды? – прозвучал голос боцмана.

– Не хватит всем по одному разу напиться.

Лефарж сделал движение встать, но загребной хватил его веслом, и он свалился на дно лодки.

– Дайте нам воды, ради Бога! – послышался голос боцмана. – В горле пересохло от гребли, и тут с нами женщина.

Человек на носу внезапно разразился потоком брани.

– Дайте нам воды, – упорствовал голос боцмана, – не то, клянусь дьяволом, мы пойдем на абордаж!

Не успел он кончить, как угроза уже была приведена в исполнение. Сражение длилось недолго: второй баркас был чересчур переполнен для борьбы. Люди штирборта на первом баркасе сражались веслами, в то время как сидевшие у левого борта удерживали лодку в равновесии.

Скоро все было кончено, и второй баркас отчалил. Половина людей на нем были ранены в голову, причем двое из них лежали без сознания.

Было это на закате следующего дня. Первый баркас лежал в дрейфе. Последняя капля воды была выпита давным-давно.

Подобно грозному приведению, второй баркас преследовал его весь день, моля о воде, которой больше не было. Люди первого баркаса, мрачные и угрюмые, подавленные сознанием преступления, мучимые жаждой и голосами своих жертв, принимались усиленно грести, как только вторая лодка пыталась к ним приблизиться.

Время от времени, как бы движимые общим побуждением, они выкрикивали в один голос:

– Нет во-ды!

Но напрасно они опрокидывали бочонок, чтобы доказать, что он пуст, – обезумевшие от жажды несчастные не верили им, убежденные, что товарищи утаивают от них воду.

В тот миг, когда солнце коснулось воды, Лестрэндж стряхнул овладевшее им оцепенение, приподнялся и заглянул через шкафут. На расстоянии кабельтова он увидел второй баркас, освещенный светом заходящего солнца, и населявшие его призраки, которые, при виде поднявшегося человека, высунули в немой мольбе на показ свои почерневшие языки.

О последовавшей ночи невозможно говорить. Мучения жажды были ничто в сравнении с пыткой от хнычущей мольбы, доносившейся к ним время от времени в течение всей ночи.

Когда, наконец, их завидел французский китоловный корабль Араго, люди на первом баркасе были еще живы, но трое из них потеряли рассудок. На втором баркасе не уцелело ни одного.

Часть II

Глава XI. Остров

– Дети!.. – крикнул Пэдди. Он держался на краспиц-салинге, освещенный восходящим солнцем, между тем как дети, закинув головы, смотрели на него снизу. – Дети! Впереди нас остров!

– Ура! – завопил Дик. Он не вполне понимал, что такое значит остров, но голос Пэдди выражал необычайное ликование.

– Земля и есть! – сказал тот, спускаясь на палубу. – Идите сюда на нос, я вам покажу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.